

НАКАНУНЕ

NG Ex Libris (прил. к Независимой). 2004-22 июля. - с.3

Сталин, Шекспир и Галина Уланова

Балерина так и не рискнула стрелять из лука в генералиссимуса

Сания Давлекамова

В сентябре этого года должна выйти из печати книга воспоминаний Галины Улановой «Я не хотела танцевать...», записанная критиком Санней Давлекамовой в форме бесед с великой балериной. Помимо уникальных воспоминаний самой Галины Сергеевны в книге приведены интереснейшие воспоминания о ней Вахтанга Чабукяни, Татьяны Вечесловой, Юрия Завадского, Святослава Рихтера, Нины Дорлиак, Леонида Лавровского, Владимира Преображенского, Юрия Жданова, Юрия Григоровича, Елены Образцовой, Марины Нееловой, а также знаменитых учеников Улановой — от Екатерины Максимовой до Николая Цискаридзе. Предлагаем вашему вниманию фрагменты двух глав о первых гастролях Галины Улановой в Москве и первых ее зарубежных гастролях. Книжка выйдет в издательстве «АСТ-ПРЕСС КНИГА» в серии «Звезды балета».

Сталин и стрельба из лука

В дни премьерных представлений «Бахчисарайского фонтана», — вспоминала Галина Сергеевна, — осенью 1934 года в Ленинграде оказался по своим государственным делам Климент Ефремович Ворошилов — знаменитый герой Гражданской войны, один из крупных военачальников. Он тоже пришел посмотреть новый балет, сидел в «царской» ложе. Потом по его предложению правительство решило показать наш спектакль и в Москве. Но привезти не только один «Фонтан» на гастроли, а устроить в столице декаду искусства Ленинграда. Если не ошибаюсь — подобное проводилось впервые. Потом такие декады разных республик и городов стали постоянными.

— Трудно было в конце напряженнейшего сезона 1934-1935 годов ехать на такие ответственные гастроли в Москву?

— Не знаю даже, как сказать. С одной стороны, усталость, бесспорно, накапливается. С другой стороны, когда постоянно танцуешь, форма укрепляется, все тело хорошо натренировано. Кроме того, мы впервые выезжали на такие гастроли, что нас, конечно, воодушевляло. Мы привезли три балета: помимо «Бахчисарайского фонтана» — вагансовскую редакцию «Лебединого озера» и ее же «Эсмеральду». Я участвовала во всех

радость. Надо вспомнить то время: Сталин — признанный вождь, доверие к нему огромное. Всего того, что сейчас написано, рассказано о нем, мы не знали и знать не могли. Когда проходили громкие судебные процессы и сами обвиняемые во всем признавались, верилось, что они действительно предатели. Ведь сейчас читаешь: заключенные, уже сидящие в тюрьме, в лагере, писали Сталину, не верили, что он обо всем знает. Слава Богу, меня и моих родителей не коснулись репрессии, притеснения. Что лукавить, у меня — четыре Сталинские премии. Бесспорно, были люди много знающие, умеющие политически мыслить, анализировать, понимать обстановку. Я же ничего такого не слышала. Вся — в своей профессии, целиком погружена в свою работу, где находила массу интересного. К тому же и человек я замкнутый, необщительный. На острые темы (тем более критика вождя) не будут говорить с каждым встречным, а лишь с самыми близкими людьми. Допускаю, что в доме Елизаветы Ивановны Тиме могли вестись такие разговоры, там собирался широкий круг людей. Возможно, меня намеренно оберегали от подобных тем, чтобы не смутить мое душевное состояние, не поселять тревогу...

На том спектакле, когда пришел Сталин, я испытывала особое волнение. Вышла на сцену, увидела: Сталин сидит в боковой ложе. А в нашем паде-де Дианы и Актеона есть такое движение, когда я как бы пускаю стрелу из охотничьего лука — стрелы нет, но лук у меня в руках, и я его натягиваю, как для пуска стрелы, — и как раз в то направление, где ложа Сталина. Но разве можно в его сторону воображаемую стрелу направить? Хореография в том номере сложная, на ходу менять танцевальные па и комбинации невозможно, да и нельзя. Я всегда против, чтобы меняли поставленные балетмейстером. И все же судорожно пыталась хоть как-то не совсем прямо держать лук.

— Говорят, что Сталин сказал: «Уланова — это классика». Имея в виду не сам классический танец, а в высоком смысле — классический образец.

— Сания, милая, вы фантазируете. Я такого не слышала. А в 1940 году мы опять приехали в Москву, привезли «Ромео и Джульетту», «Лауренсию», «Сердце гор». Тогда нас пригласили на прием в Кремль — необычайно торжественный, праздничный. Там первый и единственный раз я видела Сталина

чей. Из Ленинграда поехали многие ведущие артисты, среди них — Наталия Дудинская, Алла Шелест, Нинель Кургапкина, Константин Сергеев, Борис Шапиров. Из Москвы — меньшая группа. Из балерин только Ганса Стручкова и я, танцовщиков больше — Владимир Преображенский, Юрий Жданов, Александр Лапура, Александр Радунский, Георгий Фарманын. С нами поехал и наш неизменный дирижер Юрий Федорович Файер. Ему предстояло дирижировать оркестром Гранд-опера. Гастроли намечались в Париже, но все сложилось не так. Мы приехали, приступили к репетициям. Наступает день нашего выступления, и вдруг, буквально за несколько часов до концерта, мы узнаем, что он отменяется.

— Из прессы тех лет я знаю, что это была скандальная в политическом отношении история...

— Для нас — обескураживающая. Тогда шла война в Китае, и французские войска в те дни потерпели серьезное поражение, сдали крепость... трудное название, сейчас уже не вспомню. (Крепость — Дьен-Бьен-фу. — С.Д.) Поэтому французское правительство объявило трехдневный траур. На три дня отменялись и наши концерты, и будто бы все другие увеселения. Но, как мы узнали, многие увеселительные клубы, кабаре продолжали работать. А мы оказались под строгим запретом. Но истинная причина заключалась в том, что советское правительство сочувствовало Индокитаю в его борьбе. Впрочем, как нам говорили, французы в большинстве своем тоже эту войну не одобряли.

В общем, мы попали в ловушку, да не только мы, но и парижские зрители. Почему-то их заранее не предупредили об отмене нашего концерта. Перед зданием театра собралась огромная толпа. Люди кричали, возмущались. Полиция еле сдерживала их. Нам обо всем этом потом уже рассказали. Мы же сидели у себя в отеле и обсуждали ситуацию. Вдруг в дверь номера, где мы собрались, кто-то стучит. Открываем — пришли к нам несостоявшиеся наши зрители. Теперь уже перед отелем стояла толпа. И по очереди к нам приходили французы, чтобы выразить сожаление и возмущение действиями своего правительства. И все что-то приносили в подарок нам: цветы, корочки конфет, разные сувениры...

Ситуация разрешилась благодаря усилиям наших властей. Пришло приглашение на гастроли в ГДР. От выступления в

Главным из всех искусств для нас по-прежнему является балет.

Валентин Серов. Плакат 1909 года

тогда появились в газетах наши фотографии — в репетиционной одежде, в шерстяных гетрах. Приходил к нам часто Серж Лифарь, в то время главный балетмейстер Гранд-опера. У него — русская школа. Настоящее имя — Сергей Михайлович. Он удивлялся: «Какие у вас мужчины сильные, ловкие! У нас таких сложных верхних поддержек не увидите. У нас это не принято».

Светлана Березова — ведущая балерина «Солдлерс Уэллс» — специально приехала из Лондона посмотреть нас. Она как-то подошла к Юре Жданову и попросила: «Можно потрогать мышцы ваших рук? Хочу понять, как вы можете так легко поднимать балерину. Правда, госпожа Уланова такая хрупкая...» А он возьми да подними ее на одной руке так, в чем была — в туфельках-шпильках, в обычной одежде. Березова ахнула, французы в восторге зааплодировали... У нее ведь тоже русская школа, хотя она и училась в Америке.

Русская школа
— Тем не менее во французской прессе появились отклики на вашу программу. Как так получилось?

— Мы провели в Париже двадцать дней. Существовала такая договоренность: приехать на много раньше начала гастролей, потому что требовалась значительная предварительная работа. Особенно — у дирижера: французские музыканты не знали большую часть тех произведений, которые мы танцевали. Много работы предстояло и по монтажке декораций, поскольку сцена в Гранд-опера отличается от нашей — она меньше. Значит, надо приспособить оформление к иным размерам.

Мы, артисты, естественно, тоже все дни репетировали. Парижским танцовщикам, педагогам, журналистам разрешалось присутствовать на некоторых наших репетициях. Уже

езд (вернее, отлет и прилет) неожиданно осложнились.

— Как?! Опять?!

— Нет-нет, тут — не политика, а погода помешала. На трех самолетах мы должны были вылететь рано утром первого октября. Первая задержка произошла в аэропорту «Внуково»: в Лондоне был сильный туман. Вылетели намного позже. Уже полетаем, наконец-то, и вдруг — опять туман. Пытались посадить наши самолеты в лондонском аэропорту, но не получилось. Нас развернули к другому аэродрому — мы не знали, куда именно. Господи, что же опять случилось?! Выяснилось, что посадка произошла на аэродроме американской военной базы, около города Мейдстон. Нас еще держали в самолете полтора часа. Шли какие-то проверки. Зато, когда мы вышли с военной территории, вдвойне было приятно, что за ограждением нас встречает толпа людей.

— Значит, о вашем прибытии на военную базу все-таки успели кому-то сообщить?

— Это опять целая история. Еще до нас (наверное, дней за десять) в Лондон приехала небольшая группа из Большого театра — мы их называли «наш десант». В него входили дирижеры Юрий Файер и Геннадий Рождественский (он тогда еще только начинал), балетмейстер-репетитор Лев Поспехин, режиссер сцены — Михаил Покровский, заведующая балетной труппой Алла Цабель.

Но как раз «наш десант» и не сумел нас встретить. Встречали только журналисты. Наиболее ретивые из них разузнали, где произойдет посадка самолета с артистами Большого театра, и успели домчаться сюда из Лондона. От них, наверное, о нашем приезде узнали жители военного городка и тоже пришли, кто-то даже с цветами. Что-то они говорили, улыбались, некоторые смелые показали нам руки. Все вошло в колею.

А почему наши не встретили — тут своя эпопея. Они, естественно, ждали нас в лондонском аэропорту, где собралось очень много лондонцев. Ждали почти пять часов, никто не выходил. По радио вдруг сообщили, что первый самолет из Москвы будет принят на военной базе. Они стали решать —

как быть? Ведь есть еще два самолета, а база довольно далеко от Лондона. И вдруг новое сообщение: самолет уже приземлился. Погода улучшилась, и наша бригада осталась ждать других. Опять слышат по радио: второй самолет тоже на военной базе.

А почему наши не встретили репетиция на сцене Ковент-Гарден и продолжалась до двенадцати часов ночи.

— Четырнадцать часов репетиций!

— А что оставалось делать? Конечно, артисты не четырнадцать часов подряд танцевали. Там еще шла монтажная работа — устанавливали декорации, свет. Оркестр что-то подрабатывал, хотя Файер и Рождественский все дни до нашего приезда много репетировали. Ну, Прокофьев не сразу дался: его музыка к «Ромео» оказалась английскому оркестру внове. Мы-то тоже не сразу ее освоили...

А на следующий вечер, третьего октября, — открытие гастролей. Начали с «Ромео и Джульетты».

— Кто танцевал главные мужские партии?

— Ромео — Юрий Жданов, Тибальд — Алексей Ермолаев, Меркуцио — Сергей Корень. Первый спектакль особенный — для именитой публики. В свободную продажу поступило всего 150 билетов, а в Ковент-Гарден — 2500 мест. Правда, продавались еще входные контрамарки — и все лестницы, все проходы в зрительном зале оказались заняты.

— Среди приглашенных были какие-то высокие гости?

— Сейчас уж всех не вспомнить... Члены королевского двора, премьер-министр Великобритании Энтони Иден с супругой, посол Франции в Лондоне Жорж Шовель... Конечно, много людей искусства. Ведущие артисты балета Ковент-Гарден во главе с прима-балериной Марго Фонтейн с супругом Робертом Ариасом, балетмей-

стеров Фредерик Аштон, основательница первой английской балетной труппы Нинет де Валуа. Пришли на первое наше представление и Вивьен Ли, и Лоуренс Оливье, и Питер Брук... Из других стран также приехали знаменитости: из Франции Серж Лифарь со своими артистами, американский скрипач Иегуди Менухин с женой — балериной Дианой Гулд...

Хотя балет «Ромео и Джульетта» и признавался у нас лучшей постановкой, риск, бесспорно, существовал. Русская Джульетта, русский Ромео — на родине Шекспира, где великого драматурга знают, как говорится, вдоль и поперек. Русский композитор, русский балетмейстер вдруг отважились перенести на балетную сцену выдающееся произведение английского драматического театра. Как-то воспримет это совсем незнакомая нам публика? Что и говорить, все страшно волновалось — даже английские артисты, участвовавшие в спектакле, нервничали: не столько за себя переживали, сколько за нас.

В общем, какой-то безумный страх охватил нас: неизвестно, чем все кончится. У нас в Большом нет дырочек в занавеси, а в Ковент-Гарден есть. И мы смотрели, кто сидит в зрительном зале, что за такие эти лондонцы? Боже мой, что мы увидели! Сидят дамы в роскошных вечерних туалетах с меховыми накидками, в белых перчатках, и волосы у них — розовые, синие, золотые, всякого цвета! Мужчины — в смокингах, с белыми «бабочками»... «Бриллиантовые дамы и мужчины в смокингах», — так потом говорил Юра Жданов. Нам показалось, что они-то (а не мы) и есть «театр»...

Файер вошел в оркестровую яму, дали полный свет, публика зааплодировала. Начался спектакль. Один эпизод, второй, третий, а в зале — гробовая тишина: ни хлопка. Даже когда прошло действие на Веронской площади — ссора и знаменитый бой. Мы привыкли, что здесь всегда море аплодисментов. А тут — ничтошеньки! Закончился первый акт — мертвая тишина. И как-то неожиданно громко прошепел закрывающийся занавес... Быть может, это

продолжалось какие-то секунды, не знаю, но они казались вечностью. Мы решили — все кончено: тишина в зале, тишина на сцене. Мы зажались и не знали: открывать, не открывать занавес? Безумный страх... А затем — какой-то как бы вздох, и внезапно начались аплодисменты. Открылся занавес, аплодисменты перешли в овацию...

Потом мы узнали, что в английских театрах не принято аплодировать до конца спектакля. Говорили, что на этот раз традицию будто бы нарушила глава правительства сэра Энтони Иден... Мы успокоились настолько, насколько в подобных обстоятельствах можно успокоиться. По крайней мере нервное напряжение немного улеглось. Спектакль продолжался с большим подъемом. Но когда закончился, опять — тишина, тишина... Значит, все-таки провалились?! И вновь внезапно, как лавина, обрушились аплодисменты. Дали занавес — весь зал стоит, овация. Куда подевалась неприступность чопорной публики? Они кричали, махали руками, стучали, снимали свои перчатки, рвались к сцене... Мы и у нас-то такого не видели. Дальше все как во сне. Кто-то подсчитал, что овация длилась полчаса: не знаю, я была как в шоке...

Французское правительство объявило траур. Отменялись и наши концерты, но клубы, кабаре продолжали работать

трех. (Правда, в «Эсмеральде» готовила роль, а только одно па-де-де — Дианы и Актеона: оно трудное по технике, но так хорошо поставлено, что позволяло артистам показать себя с лучшей стороны. Сейчас уж мало кто помнит, что я танцевала такие виртуозные, чисто танцевальные номера.)

Гастроли театра с большими традициями, с новаторскими постановками, конечно, стали событием культурной жизни Москвы. На наши спектакли приходили многие артисты из разных театров, музыканты, деятели других видов искусства. Приходили и члены правительства, государственные мужи. После декады нашему театру присвоили имя Сергея Мироновича Кирова, что было почетно. А до того долгое время театр наш оставался безымянным.

На той декаде самое большое впечатление на нас произвело появление Сталина на одном из представлений «Эсмеральды». Да, это была большая

близко. В кинозале сидела рядом с ним. Все боялась ему помешать, вся скалась, чтобы поменьше места занимать.

— Сталин высказывался, конечно? Что он говорил?

— Поздравлял, благодарил, а что точно сказал — не вспомнить. Я словно пребывала в каком-то шоке: надо же — я вот так близко вижу самого Сталина!

Балет и Индокитай

...Поклоению Улановой суждена была своя особая миссия. Артисты этого поколения почти через полвека после «Парижских сезонов» Дягилева заново открыли западную публику балет. И Уланова стала его символом.

— Первая поездка, когда в репертуар вошли не одни концертные номера, а большие фрагменты из спектаклей, состоялась летом 1954 года, — рассказывала Галина Сергеевна. — Первая поездка не только для меня, но для всего советского балета. Это — совместные гастроли ленинградцев и москвичей.

Париже мы отказались и поехали в Берлин.

Русская школа
— Тем не менее во французской прессе появились отклики на вашу программу. Как так получилось?

— Мы провели в Париже двадцать дней. Существовала такая договоренность: приехать на много раньше начала гастролей, потому что требовалась значительная предварительная работа. Особенно — у дирижера: французские музыканты не знали большую часть тех произведений, которые мы танцевали. Много работы предстояло и по монтажке декораций, поскольку сцена в Гранд-опера отличается от нашей — она меньше. Значит, надо приспособить оформление к иным размерам.

Мы, артисты, естественно, тоже все дни репетировали. Парижским танцовщикам, педагогам, журналистам разрешалось присутствовать на некоторых наших репетициях. Уже